

К ВОПРОСУ О ПОНИМАНИИ ОБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Вопрос понимания объекта преступления является не менее важным и философски глубоким, чем проблема вины и причинения, однако он значительно менее разработан в нашей литературе. В связи с этим в статье рассматриваются различные аспекты понимания и содержания объекта преступления в дореволюционной, советской и постсоветской научной литературе.

I. O. GRUNTOV

TO A QUESTION OF CRIME OBJECT UNDERSTANDING IN CRIMINAL LAW

Understanding of crime object is no less important and philosophically profound issue than the problem of guilt and cause and effect, however it is much less developed in our literature. In that regard different aspects of crime object understanding and its content in science literature of prerevolutionary, Soviet and post-Soviet times are considered.

**Грунтов
Игорь Олегович,**

заведующий кафедрой уголовного права, юридического факультета, Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, доцент

Введение

В ст. 2 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УКУ) отмечается, что уголовный кодекс «имеет задачей охрану мира и безопасности человечества, человека, его прав и свобод, собственности, прав юридических лиц, природной среды, общественных и государственных интересов, конституционного строя Республики Беларусь, а также установленного правопорядка от преступных посягательств». В законе названы основные ценности уголовно-правовой охраны. В научной литературе эти социальные ценности именуют объектом уголовно-правовой охраны.

Основная часть

В юридической литературе вполне справедливо при характеристике значения объекта посягательства отмечают, что «разработка проблемы объекта преступления (уяснение понятия и места объекта в общем определении преступления, выяснение значения объекта для определения круга преступного и объема действий, наказуемых в соответствии с конкретными нормами Особенной части Уголовного кодекса, а также для правильной квалификации действий, вменяемых в вину, и для характеристики других элементов состава преступления) представляют собой один из методов выявления политического и правового значения ряда уголовно-правовых институтов» [1]. Кроме того, говоря об этом институте, подчеркивают, что «проблема объекта преступления является не менее важной и философски глубокой проблемой, чем проблема вины и причинения, она только значительно менее разработана в нашей литературе...» [2].

Вместе с тем, несмотря на важность и актуальность данной темы, в литературе и ранее и сейчас отмечается, что «трудно назвать какую-либо другую проблему уголовного права, в которой столь многое было бы спорно, как в области учения об объекте преступления» [3]. Проблема

объекта преступления – одна из самых сложных и спорных в теории уголовного права [4]. Понятие объекта преступления является «ключевым и одновременно наиболее дискуссионным в науке уголовного права» [5].

В научной литературе обращают внимание на то, что «разработка проблемы объекта преступления началась в юридической науке после того, как в конце XVIII в. понятие “состав преступления”, перестав иметь первоначальное, процессуальное значение, получило статус одной из важнейших категорий уголовного права» [6]. Довольно значительные исследования этого вопроса имели место в работах дореволюционных криминалистов В. Д. Спасовича, А. Ф. Бернера, А. Ф. Кистяковского, В. В. Есипова, Н. С. Таганцева, С. В. Познышева и др. Рассмотрим отдельные подходы этих авторов при раскрытии содержания объекта преступления.

Так, В. Д. Спасович, рассматривая данный вопрос, не употребляет термин «объект преступления», а оперирует понятием «предмет преступления». Исследователь отмечает, что «преступление – есть посягательство на чье-либо право, охраняемое государством посредством наказаний. Из этого определения вытекают два весьма важных последствия: 1) так как право бывает всегда чье-нибудь, а владельцами или субъектами прав могут быть только лица человеческие единичные или собирательные, то преступление может быть совершено только против какого-нибудь лица, следовательно, предметом преступления может быть только лицо; 2) коль скоро по каким-нибудь причинам государство отнимет от известного права свою защиту, то нарушение его перестает быть бесправием и не подлежит уже ведению уголовного правосудия... Предметом преступления может быть только человеческое лицо с его правами, а не вещь, не животное, не отвлеченное понятие... Вещь сама по себе без связи с лицами не может быть предметом преступления... Не может быть предметом преступления животное. Юридические отношения

существуют только в общезнании и только между людьми. Животное становится предметом преступления только как чья-нибудь собственность... Таким образом предметом преступления может быть частное лицо, семья, сословие, церковь, совокупность лиц, находящихся в известной местности или публика, государство и его правительство, со всеми органами этого правительства... Можно сказать, что всякое уголовное преступление есть преступление против лица юридического – государства и что непосредственным его объектом есть чье-нибудь определенное право, а посредственным – целое правосостояние, то есть весь быт государственный» [7].

По мнению А. Ф. Бернера, объектом преступления является «общее право, ибо право нарушается преступлением как таковым; им нарушается всеобщая воля, высказанная в законе, и посредственно наносится вред даже самому государству... Но объектом преступления служит также и частное право, так как право нарушается непосредственно и количественно и качественно только до известной степени, в известных пределах; все право, все общество, все государство только посредственно затронуты преступлением...» [8].

Говоря об объекте преступления, А. Ф. Кистяковский пишет, что «объектом преступления может быть, вообще говоря, только человек со всеми правами и учреждениями, которые им, как существом общественным, создаются. Посему кроме жизни, здоровья, свободы, чести, как более или менее основных объектов преступления, так сказать созданных самой природою, таковыми являются также вещи, животные, учреждения, даже известный строй мыслей... Вещи являются объектом преступления вследствие их усвоения в собственность и обладания человеком. Вещь бесхозная, никому не принадлежащая или по крайней мере не имеющая никакого отношения к человеку, не может быть объектом преступления... Животные, как таковые, приобретают характер объекта также только в связи их с человеком и его потребностями... Общественные учреждения, со всеми их разветвлениями и усложняемыми ими порядками, являются также объектом преступления главным образом потому, что они служат средством для охраны основных благ, как коренных объектов преступления... Известный строй мыслей, верований и убеждений является объектом преступления только по отношению к общественным установлениям и религиозным учреждениям. Их неприкосновенность от нападений, их ненарушимость защищается уголовным законом не потому, что они были вообще говоря не нарушены сами по себе, как абсолютная истина, а потому, что они составляют теоретическую сторону известных общественных и религиозных учреждений, так сказать философское оправдание сих последних. Следовательно, охраняя неприкосновенность известного строя убеждений, уголовный закон тем самым охраняет неприкосновенность самих учреждений» [9].

По мнению В. В. Есипова, непосредственным объектом преступной деятельности является государство, общество и отдельное лицо. Автор пишет, что «государство может быть объектом преступной деятельности как в самом своем существе (преступления против Особы Государя, бунт и измена), так и в лице своих органов (преступления

против порядка управления) или фиска (преступления против дохода казны). Общество может быть объектом преступной деятельности также или в своем существе (преступления против общественного благоустройства и благочиния), или в лице своих членов (преступления против законов о состоянии) и в виде общественных средств (например, преступления против постановлений о земских повинностях). Отдельные лица равным образом могут быть объектами преступления или непосредственно в своих личных атрибутах (преступления против жизни, здоровья, свободы и чести), или как члены союза семейного (преступления против прав семейных) или как обладатели известных имущественных благ (преступления против собственности)... Ясно, таким образом, что только государство, общество и отдельное лицо могут быть объектами преступных посягательств» [10].

Так, Н. С. Таганцев, рассматривая вопрос о понятии объекта преступления, отмечает, что «определяя преступное деяние как посягательство на правовую норму в ее реальном бытии или, другими словами, как посягательство на правоохраненные интересы жизни, мы тем самым устанавливаем и понятие об объекте преступного посягательства: таковыми является заповедь или норма права, нашедшая свое выражение во входящем в сферу субъективных прав, охраняемом этой нормой интересе жизни... Норма права в своем жизненном проявлении, на которое непосредственно посягает преступник, представляет... два оттенка: или она охраняет известные интересы, существующие в государстве как бы самостоятельно; или же она охраняет их лишь как проявление прав личности. В этой второй группе существенным элементом понятия об объекте преступного деяния является наличность субъективного права» [11].

Определенный обзор мнений ученых, высказанных в литературе того периода по данному вопросу провел российский исследователь С. В. Познышев. В работе «Основные начала науки уголовного права» [12] он пишет, что «объектом преступления, хотя бы лишь отдаленным, вопреки мнению некоторых ученых (имеются в виду работы А. Ф. Бернера, И. Я. Фойницкого «Курс уголовного права. Часть Особенная» (СПб., 1912). – *Примеч. авт.*), нельзя считать ту правовую норму или тот закон, который нарушается данным деянием. Если мы и говорим, что преступление нарушает закон, то этим выражаем лишь, что преступление есть деяние, несогласное с законом, противоречащее ему. Законы нисколько не видоизменяются и не страдают от нарушающих их деяний. Объектом же преступления может считаться лишь то, что служит, так сказать, мишенью для преступника, уничтожается, видоизменяется... страдает от деяния преступника».

«Объектом преступления, – отмечает ученый, – нельзя также считать субъективное право, как полагали некоторые криминалисты (напр. П. А. Фейербах) потому, что субъективное право недоступно посягательству преступника; так, напр., вор лишает собственника обладания вещью, но не права собственности на данную вещь; и собственник может требовать вещь, как свою, как скоро найдет ее. Пока существует обосновывающая его норма объективного права, до тех пор существует и субъектив-

ное право; с уничтожением вещи право на вещь лишь видоизменяется в право на вознаграждение».

Далее исследователь пишет, что «нельзя также согласиться с мнением тех ученых (напр. Н. С. Таганцева и др.), которые считают объектом преступления правоохраненные интересы, так как интерес не может быть нарушен иначе, как посредством посягательства на то благо, с которым этот интерес связан и которое и является настоящим объектом преступления. Нарушение интереса только и может состоять в том или ином повреждении или поставлении в опасность этого блага».

По мнению С. В. Познышева, правильный ответ на рассматриваемый вопрос об объекте преступления сводится к следующему: «объектом преступлений являются те конкретные отношения, вещи и состояния лиц или вещей, которые охраняются законом под страхом наказания. Их можно назвать для краткости правовыми благами... «Правовое благо» может и не быть действительным или нравственно дозволенным благом. К сказанному надо прибавить, что объектом преступления является всегда чужое благо или благо, общее у преступника с другими людьми. Это положение служит одним из оснований, почему самоубийство не должно считаться преступлением».

Несмотря на различные подходы в раскрытии сущности этого правового явления, данные работы явились фундаментом для дальнейшего изучения этого правового института.

В последующие годы, после революции 1917 г., в научной литературе сложился единый взгляд на содержание этого элемента состава посягательства. А. А. Пионтковский, говоря о понимании института объекта посягательства, отмечает, что «советская теория уголовного права с первых лет ее существования рассматривает объект преступления в качестве общественного отношения. Уже в нашем учебнике Общей части советского уголовного права, изданном в 1924 году, – говорит ученый, – подчеркивалось, что объектом всякого преступления являются общественные отношения, охраняемые аппаратом уголовно-правового принуждения. Взгляд на объект преступления как на общественное отношение проводился нами как в последующих изданиях учебника Общей части, так и в шести изданиях учебника Общей части советского уголовного права коллектива авторов» [13].

Такое понимание в научной литературе содержания этого правового института являлось общепризнанным и в последующие годы. Оно нашло отражение в работах Н. Д. Дурманова [14], А. Н. Трайнина [15], Н. И. Загородникова [16], В. Н. Кудрявцева [17], Б. С. Никифорова [18], Я. М. Брайнина [19], Е. К. Каиржанова [20], Н. И. Коржанского [21], В. К. Глистина [22] и др.

Вместе с тем необходимо отметить, что все эти исследователи, придерживаясь единой концепции, согласно которой объектом преступления всегда являются общественные отношения, по-разному рассматривают вопросы о соотношении видов объектов, о структуре конкретного общественного отношения, о механизме и сущности причиняемого объекту вреда. Рассмотрим некоторые из этих подходов в оценке указанных спорных вопросов.

Так, например, А. А. Пионтковский, определяя общий объект преступления как общественное отношение, пи-

шет, что непосредственный объект посягательства может быть общественным отношением, но в большинстве случаев им не является. Исследователь по этому поводу отмечает, что «отношение между объектом преступления как общественным отношением и непосредственным объектом преступления следует рассматривать в плоскости взаимоотношения категорий материалистической диалектики – «сущности» и «явления». Непосредственный объект преступления – это предмет воздействия преступника, который мы можем непосредственно воспринимать (государственное, общественное или личное имущество граждан, здоровье, телесная неприкосновенность, свобода и достоинство граждан, представительства власти, государственные или общественные учреждения и т. д.). Общественное отношение как объект преступления – это то, что стоит за непосредственным объектом и что еще необходимо вскрыть, чтобы более глубоко понять истинное общественно-политическое значение рассматриваемого преступления... Непосредственным объектом преступлений против личности является жизнь, здоровье, свобода, достоинство советских граждан. Но вместе с тем эти преступления нарушают общественные отношения социалистического общества, поскольку являются посягательством не на изолированного человека – «Робинзона», а на человека – субъекта общественных отношений социалистического общества» [23].

«...Право собственности всегда есть право на определенное имущество, право на те или иные материальные ценности. Хищение как посягательство на социалистическую собственность всегда выражается в посягательстве на государственное или общественное имущество, оно связано с уменьшением фондов материальных ценностей, находящихся в государственной или в собственности общественных учреждений или предприятий», – отмечает ученый. По мнению исследователя, «излишнее увлечение в советской уголовно-правовой литературе проблемой разграничения объекта и предмета преступления повлекло за собой ослабление внимания к теоретической разработке действительно существенных вопросов учения об объекте преступления по социалистическому уголовному праву» [22, с. 142–143]. Данный подход А. А. Пионтковского поддерживали отдельные исследователи (например, Я. М. Брайнин) [19, с. 169].

По-иному рассматривал этот вопрос Б. С. Никифоров. В монографии он предложил свое понимание соотношения видов объектов, а также содержание и структуру конкретного общественного отношения как объекта посягательства [25]. Структурными элементами общественного отношения, по мнению автора, являются: 1) участники (субъекты) общественного отношения [23, с. 29–55]; 2) отношения между участниками [23, с. 56–105]; 3) условия существования, реализации отношения [23, с. 106–122].

Несколько другой подход изложен В. К. Глистым в исследовании «Проблема уголовно-правовой охраны общественных отношений». Взяв за основу исходное положение определения объекта преступления как общественного отношения, автор сформулировал также свое видение структуры общественного отношения как объекта посягательства и механизма причинения объекту уго-

ловно-правовой охраны. Исследователь отмечает, что «в качестве непосредственного объекта, охраняемого конкретной нормой права, выступают единичное или группа сходных общественных отношений».

Структура охраняемого общественного отношения включает в себя свой субъективный состав, предмет, т. е. то, по поводу чего отношение возникло, и связь между субъектами. Он пишет, что «в качестве предмета как элемента объекта могут выступать социально-экономические свойства материальных, “вещных” предметов, а также “невещные”, социальные ценности преступления». Автор считает «излишним введение в учение об объекте преступления понятия предмета преступного воздействия, так им являются элементы общественного отношения». Предметы, стоящие вне отношения и служащие инструментом воздействия на объект, В. К. Глистин относит к объективной стороне преступления. По мнению исследователя, «последствия преступления выступают в двух сферах: 1) в социально вредном изменении, разрушении существующих отношений и 2) в создании преступником антиобщественного отношения. В тех случаях, когда посягательство направлено на несуществующий объект либо оно непосредственно не воздействует на него (негодное покушение, неудавшееся соучастие), последствие выражается лишь во втором виде. В этом состоит общественная опасность таких деяний» [24].

В дальнейшем подходы в понимании содержания и структуры объекта посягательства, изложенные В. К. Глистым, были использованы В. Н. Винокуровым в работе «Объект преступления: теория, законодательство, практика» [26]. Ученый пишет: «...Фактические общественные отношения как объект уголовно-правовой охраны – это социальное явление, не включающее в себя ничего материального, и, являясь основой правоотношений, составляют материальную предпосылку их возникновения. Элементами структуры общественных отношений являются субъекты отношений, их деятельность и предметы отношений. Структура общественных отношений выступает формой их содержания – деятельности людей как субъектов общественных отношений» [25, с. 65].

Исследователь отмечает, что «отличительной особенностью отношений в обществе является их опредмечивание и персонификация (олицетворение). Опредемечивание показывает, что люди взаимодействуют друг с другом не посредством своей телесной природы, а через мир предметов-посредников, созданных трудом и воплотивших отношения между людьми. Опредемечивание общественных отношений нельзя ограничивать только предметным, вещным миром, существуют и другие, не вещные формы их опредмечивания, такие как социальные институты, социальные нормы различного рода духовные ценности и т. д.». «Для вступления в общественные отношения необходим предмет, который бы представлял интерес для его участников (как потребность и цель взаимоотношений), поэтому, – отмечает автор, – он позволяет определить суть и специфику конкретных общественных отношений». «Предмет отношений и непосредственный объект преступления – это то, по поводу чего сложились отношения... Общественные отношения – это отношения по поводу каких-либо объектов, под которыми следует

понимать все то, что входит в сферу потребностей людей» [25, с. 66, 67].

Одной из теорий, «практически на равных конкурирующей с теорией объекта как общественного отношения, является теория правового блага или интереса» [5, с. 53]. Наиболее полно положения этой концепции были изложены в работах А. В. Наумова, Е. Фесенко, Н. В. Шигиной [26] и др.

Так, А. В. Наумов по этому поводу пишет, что «...объектом преступления следует признать те блага (интересы), на которые посягает преступное деяние и которое охраняется уголовным законом... Возвращение российского уголовного права к идеалам общечеловеческих ценностей означает принципиальное изменение сложившейся иерархии объектов уголовно-правовой охраны. В соответствии с демократическими принципами охрана уголовным законом объекта выстраивается теперь в другой последовательности: интересы личности, общества и государства... Общим объектом преступления признается совокупность благ (интересов), охраняемых уголовным законом от преступных посягательств... Родовой (специальный) объект представляет собой группу однородных благ (интересов), на которые посягает однородная группа преступлений... Непосредственный объект – это то определенное благо (интерес), которому причиняется вред в результате совершения определенного преступления» [27]. По мнению С. А. Елисеева, понимание объекта преступления как блага (интерес), охраняемый уголовным законом от преступных посягательств, «не только продолжает традиции российской уголовно-правовой науки, но и соответствует современным взглядам на сущность, социальную ценность права, содержание правоотношения» [28].

Е. Фесенко, говоря об объекте посягательства, пишет: «Именно ценности (личные, общественные, государственные) должны признаваться объектом преступления... Ценности – это разнообразные объекты материального мира, в том числе и сам человек, которые имеют существенное положительное значение для отдельных лиц, социальных групп и общества в целом. Поэтому они охраняются нормами разных отраслей права, а важнейшие из них берет под защиту уголовное законодательство. Любое преступное деяние, направленное против этих важнейших ценностей, создает угрозу причинения или причиняет им вред. Именно поэтому указанные ценности и выступают в качестве объекта преступления» [29].

Необходимо сказать еще об одном подходе в трактовке содержания объекта преступления. В литературе отмечают, что «оригинальное понимание объекта преступления изложено в ряде учебников по уголовному праву, подготовленных и выпущенных в свет... учеными кафедры уголовного права Уральской государственной юридической академии. В свою очередь, теоретическое обоснование данной концепции объекта получила в докторской диссертации профессора указанной кафедры Г. П. Новоселова» [5, с. 55].

По мнению исследователя, объектом любого посягательства является человек. Автор отмечает: «Физические лица страдают не только тогда, когда осуществляется посягательство на принадлежащее им неотчуждаемое лич-

ное неимущественное благо, в силу чего они лишаются возможности жить либо возможности трудиться (утрата трудоспособности), но и тогда, когда похищается, уничтожается или повреждается их имущество. Всякий раз, как в уголовном законе говорится о преступных последствиях для человека, гражданина, потребителя и т. п., имеется виду причинение вреда (нанесение ущерба) конкретным индивидам. Решение вопроса не может быть другим и в отношении преступлений, в которых в качестве обязательного их признака предусматривается причинение вреда обществу или отдельным организациям. Особенность такого рода преступлений в том, что ими наносится ущерб или создается угроза его нанесения некоторому множеству лиц, круг которых не всегда возможно установить в каждом отдельном случае как в правоприменительной, так и законотворческой деятельности. Но это, конечно же, вовсе не означает, что здесь никто не страдает или не может пострадать... Именно это соображение позволяет утверждать, что объектом любого преступления, а не только направленного против личности, выступают люди, которые в одних случаях выступают в качестве отдельных физических лиц, в других – как некоторого рода множество лиц, имеющих или не имеющих статус юридического лица, в-третьих – как социум (общество)» [30].

Оценивая существующие теории объекта преступления, необходимо отметить, что названные выше концепции имеют истоки в научной литературе до революционного периода времени. Нетрудно заметить связь современной концепции объекта как правового интереса (блага) с понимаем объекта посягательства, изложенного в работах В. Д. Спасовича и А. Ф. Бернера. Такая же связь прослеживается в современной теории объекта преступления как «человека» с представлениями об этом правовом явлении в трудах А. Ф. Кистяковского и В. В. Есипова.

В юридической литературе появление новых теорий объекта преступлений объясняют попыткой авторов уйти от некоторой «бездушности и обезличенности права и правового регулирования, ...наполнить подлинным содержанием высокий пафос закрепленного в ст. 2 Конституции РФ положения о признании высшей ценностью человека, его прав и свобод» [5, с. 57].

Отечественный ученый В. П. Шиенок, автор современной концепции гуманистической методологии национальной юриспруденции [31] в связи с этим отмечает, что «по большому счету право и государство не регулируют

поведение человека. Методологически правильнее говорить о том, что человек, общество регулирует свое поведение посредством права и государства, но не наоборот. Человек и общество – саморегулирующиеся системы, использующие для этого различные средства и методы, в том числе государственно-правовые. Отсюда очевидно, что без новых подходов к пониманию сущности человека, системы стратегических целей и задач его жизни невозможны реальные изменения в методологии юридической науки» [31, с. 21–22].

Далее исследователь отмечает, что «...ни у кого не вызывает сомнений тот факт, что именно человек (общество) является главным элементом в системе государства и права... Человек, его права, свободы, гарантии их реализации провозглашаются высшей ценностью общества и государства. Это значит, что все общественные и государственные институты должны быть организованы и осуществлять свою деятельность таким образом, чтобы максимально полно оберегать, сохранять, ценить законные права и интересы каждого человека. Это высшая ценность, т. е. главный критерий оценки любых ситуаций, требующих принятия решений в деятельности государственных органов, негосударственных организаций и в жизни людей» [32].

Заключение

Суммируя сказанное, следует сказать, что ученые на постсоветском пространстве разделились в понимании вопроса о том, что же непосредственно составляет содержание объекта посягательства: общественные отношения, определенные социальные блага или человек. В настоящее время трудно отдать какое-либо предпочтение одной из выше названных концепций объекта посягательства. Для решения этого вопроса потребуется много времени в проведении специальных монографических исследований [33].

Вместе с тем необходимо отметить, что в нашей белорусской научной и учебной литературе на протяжении ряда лет в вопросе понимания содержания объекта посягательства, как правило (возможно, в силу традиции или удобства практического понимания и применения), использовалась концепция общественного отношения [34]. Такой же подход был закреплен и в ряде постановлений Пленума Верховного Суда Республики Беларусь по отдельным вопросам правоприменительной деятельности [35].

Список использованных источников

1. Никифоров, Б. С. Объект преступления по советскому уголовному праву / Б. С. Никифоров. – М. : Гос. изд. «Юрид. лит.». – 1960. – С. 3–4.
2. Шаргородский, М. Д. Актуальные вопросы советского уголовного права / М. Д. Шаргородский, Н. С. Алексеев // Учен. записки (Ленингр. гос. ун-т). – № 182. – Серия юрид. наук. – Вып. 5. – Л., 1954. – С. 188–189.
3. Кригер, Г. А. К вопросу о понятии объекта преступления в советском уголовном праве / Г. А. Кригер // Вестн. Московского ун-та. – 1955. – № 1. – С. 111.
4. Глистин, В. К. Проблема уголовно-правовой охраны общественных отношений / В. К. Глистин. – Л., Изд. Ленинградского ун-та, 1979. – С. 3.
5. Актуальные проблемы уголовного права [Текст] : курс лекций : учеб. пособие для магистрантов юрид. вузов : в 3 т. / под ред. засл. работника высш. шк. Рос. Федерации, д-ра юрид. наук, проф. Л. В. Лобановой ; Федер. гос. авт. образоват. учреждение высш. проф. образования «Волгогр. гос. ун-т», Ин-т права. – Т. 2 / авт. коллектив тома : Н. В. Висков [и др.]. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2013. – С. 49.
6. Новоселов, Г. П. Учение об объекте преступления. Методологические аспекты / Г. П. Новоселов. – НОРМА, 2001. – С. 7.
7. Спасович, В. Д. Учебник уголовного права. / В. Д. Спасович. – СПб. : Типография Госафата Огризко, 1863. – Том 1 (Выпуск первый). – С. 94–96.

8. Бернер, А. Ф. Учебник уголовного права. Части общая и особенная с примечаниями, приложениями и дополнениями. По истории русского права и законодательству положительному / А. Ф. Бернер. – СПб. : Издание Н. Неклюдова, 1865. – Том 1. Часть общая. – С. 400.
9. Кистяковский, А. Ф. Элементарный учебник общего уголовного права. С подробным изложением Начал русского уголовного права. Часть общая. Второе исправленное и значительно дополненное издание / А. Ф. Кистяковский. – Киев : Типогр. А. Давыденко, 1882. – С. 309–311.
10. Есипов, В. В. Очерк русского уголовного права. Часть Общая. Преступление и преступники. Наказание и наказуемые / В. В. Есипов. – Варшава : аршавский учебный округ, 1894. – С. 208–209.
11. Таганцев, Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая : в 2 т. / Н. С. Таганцев. – М. : Наука, 1994. – Т. 1. – С. 178, 181.
12. Познышев, С. В. Основные начала науки уголовного права. Часть общая / С. В. Познышев. – М., 1912. – С. 132–134.
13. Пионтковский, А. А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву / А. А. Пионтковский. – М. : Юрид. лит., 1961. – С. 133.
14. Дурманов, Н. Д. Понятие преступления / Н. Д. Дурманов. – М. – Л. : Акад. наук СССР, 1948. – С. 56–57.
15. Трайнин, А. Н. Общее учение о составе преступления / А. Н. Трайнин. – М. : Юрид. лит., 1957. – С. 122–130.
16. Загородников, Н. И. Значение объекта преступления при определении меры наказания по советскому уголовному праву / Н. И. Загородников // Тр. Воен.-юрид. акад. – Вып. X. – 1949. – С. 3–47.
17. Кудрявцев, В. Н. К вопросу о понятии объекта и предмета преступления / В. Н. Кудрявцев // Сов. государство и право. – 1951. – № 8. – С. 51–60.
18. Никифоров, Б. С. Об объекте преступления / Б. С. Никифоров // Сов. государство и право. – 1948. – № 9. – С. 35–49; Никифоров, Б. С. Об объекте преступления по советскому уголовному праву / Б. С. Никифоров // Сов. государство и право. – 1956. – № 6. – С. 60–69; Никифоров, Б. С. Место объекта преступления по советскому уголовному праву / Б. С. Никифоров // Соц. законность. – 1958. – № 5. – С. 29; Никифоров, Б. С. Объект преступления по советскому уголовному праву / Б. С. Никифоров. – М. : Юрид. лит-ра, 1960. – 228 с.
19. Брайнин, Я. М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве / Я. М. Брайнин. – М. : Юрид. лит-ра, 1963. – С. 162–177.
20. Каиржанов, Е. К. Интересы трудящихся и уголовный закон: проблемы объекта преступления / Е. К. Каиржанов. – Алма-Ата : Казахстан, 1973. – 160 с.
21. Коржанский, Н. И. Объект посягательства и квалификация преступлений / Н. И. Коржанский. – Волгоград : ВСШ МВД СССР, 1976. – 120 с.
22. Пионтковский, А. А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву / А. А. Пионтковский. – М. : Юрид. лит-ра, 1961. – С. 141–142.
23. Никифоров, Б. С. Объект преступления по советскому уголовному праву / Б. С. Никифоров. – С. 29–106.
24. Глистин, В. К. Проблема уголовно-правовой охраны общественных отношений (объект и квалификация преступлений) / В. К. Глистин. – С. 123–124.
25. Винокуров, В. Н. Объект преступления: теория, законодательство, практика : моногр. / В. Н. Винокуров. – М. : Юрлитинформ, 2010. – 224 с.
26. Шигина, Н. В. Интерес и его отражение в уголовном законе / Н. В. Шигина. – М. : Юрлит информ, 2009. – С. 280.
27. Наумов, А. В. Российское уголовное право : курс лекций : в двух томах. / А. В. Наумов. – Юрид. лит., 2004. – Том 1. Общая часть. – С. 180–182.
28. Елисеев, С. А. Преступления против собственности по уголовному законодательству России (вопросы теории) / С. А. Елисеев. – Томск, 1999. – С. 15.
29. Фесенко, Е. Объект преступления с точки зрения ценностной теории / Е. Фесенко // Уголовное право, 2003. – № 3. – С. 72.
30. Новоселов, Г. П. Учение об объекте преступления. Методологические аспекты / Г. П. Новоселов. – М. : НОРМА, 2001. – С. 51.
31. Шиенок, В. П. Очерки гуманистической методологии национальной юриспруденции : моногр. / В. П. Шиенок. – 2-е изд., испр. и доп. – Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2017. – 238 с.
32. Шиенок, В. П. Человек, как исходный пункт новой методологии белорусской юриспруденции / В. П. Шиенок // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2012. – № 1. – С. 164.
33. Расторопов, С. Понятие объекта преступления: история, состояние, перспектива / С. Расторопов // Уголовное право. – 2002. – № 1. – С. 40.
34. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н. Ф. Ахраменка [и др.] ; под ред. А. В. Баркова. – 2-е изд., с изм. и доп. – Минск : Гос. ин-т упр. и соц. технологий Белорус. гос. ун-та, 2010; Уголовное право Республики Беларусь. Особенная часть : учеб. пособие / Н. Ф. Ахраменка [и др.] ; под ред. Н. А. Бабия, И. О. Грунтова. – Минск : Новое знание, 2002; Уголовное право Республики Беларусь. Особенная часть : учеб. и практ. пособие / С. Е. Данилюк [и др.] ; под общей ред. А. И. Лукашова. – Минск : Тесей, 1997; Бабий, Н. А. Квалификация убийств / Н. А. Бабий. – Минск : Тесей, 2009 и др.
35. О применении судами уголовного законодательства по делам о хищениях имущества [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь, 21 дек. 2001 г., № 15 : в ред. постановления Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь от 24.09.2009 г. // Консультант Плюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014; О судебной практике по делам об убийстве (ст. 139 УК) [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь, 17 дек. 2002 г., № 9 : в ред. постановления Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь от 02. 06. 2011 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014; О судебной практике по делам об умышленном причинении тяжкого телесного повреждения [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь, 29 марта 2006 г., № 1 : в ред. постановления Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь от 29.03. 2012 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014; и др.

11.05.2017